

МАРИЯ МИРОНОВА,  
ФОТО ИЗ АРХИВА «КАЛИНИНГРАДКИ»

**Сергей Борисович Мержанов — авторитетнейший наш краевед. В королёвском краеведении он открыватель темы архитектуры. И одной этой его заслуги было бы более чем достаточно, чтобы навсегда обрести благодарность общества, но заслуг имелось больше, значительно больше.**

Его уход из жизни стал тяжёлой потерей для городской культуры и, безусловно, для людей, которые находились с ним в постоянном и тесном общении.

Моя первая встреча с Сергеем Борисовичем состоялась на «Калининградском радио». Вернувшись с редакционного задания, я с порога услышала собственный репортаж, выпущенный накануне: он был посвящён эскизному проектированию территории перед музыкальной школой, и я дерзнула вложить в материал некоторые свои знания и оценочные суждения по теме. Оказалось, что редактор радио Лариса Захарова даёт прослушать репортаж неизвестному мне гостю. Лариса Николаевна представила его как архитектора, и, хотя я не подала виду, на Ларису я долго втайне сердилась, подозревая её в том, что она хотела высмеять меня. Наша близкая дружба с ней была на тот момент впереди. Однако цель этого прослушивания я не выясняла ни тогда, ни после. Мержанов же (а гостем оказался он) тот репортаж похвалил. После встречи в редакции мы долго не виделись, но я изредка слышала о нём от Ларисы.

Первая наша с ним совместная работа началась не по моей воле. Ларису постепенно настигала тяжёлая болезнь. Я, будучи уже шеф-редактором радио, стремилась облегчить ей жизнь, давая простые и приятные задания. И предложила к юбилею московского метрополитена выпустить цикл передач об архитектуре станций, хорошо известных жителям Королёва. Главным рассказчиком мог бы стать, как я считала, Мержанов. И Лариса увлеклась идеей. Она обшла городские библиотеки, собрала литературу, отметила закладкими то, что можно было использовать в работе. Но потом призналась мне, что сил на реализацию у неё не осталось. А вскоре ей присвоили группу инвалидности без права работы, и ей пришлось уволиться. Идею было жаль нам обоим, и записи программы «Подземные дворцы» все-таки началась. Вечерами после работы на радио приезжал Мержанов, я шла с ним в студию вместо Ларисы Захаровой, и позднее в эфир выходил выпуск за выпуском. Радиослушатели звонили в редакцию с благодарностью, которую в первую очередь стоило бы отнести на счёт Сергея Борисовича. Эмоциональный, яркий рассказчик, он обладал и обширными знаниями и умением доступно их преподнести — так, что в те дни нас с интересом слушали даже школьники.

Запомнилась одна запись, когда Мержанов, к моему удивлению, начал цитировать стихотворение Дмитрия Кедрова «Зодчие»:

*И тогда государь  
Повелел ослепить этих зодчих,  
Чтоб в земле его  
Церковь  
Стояла одна такова...*

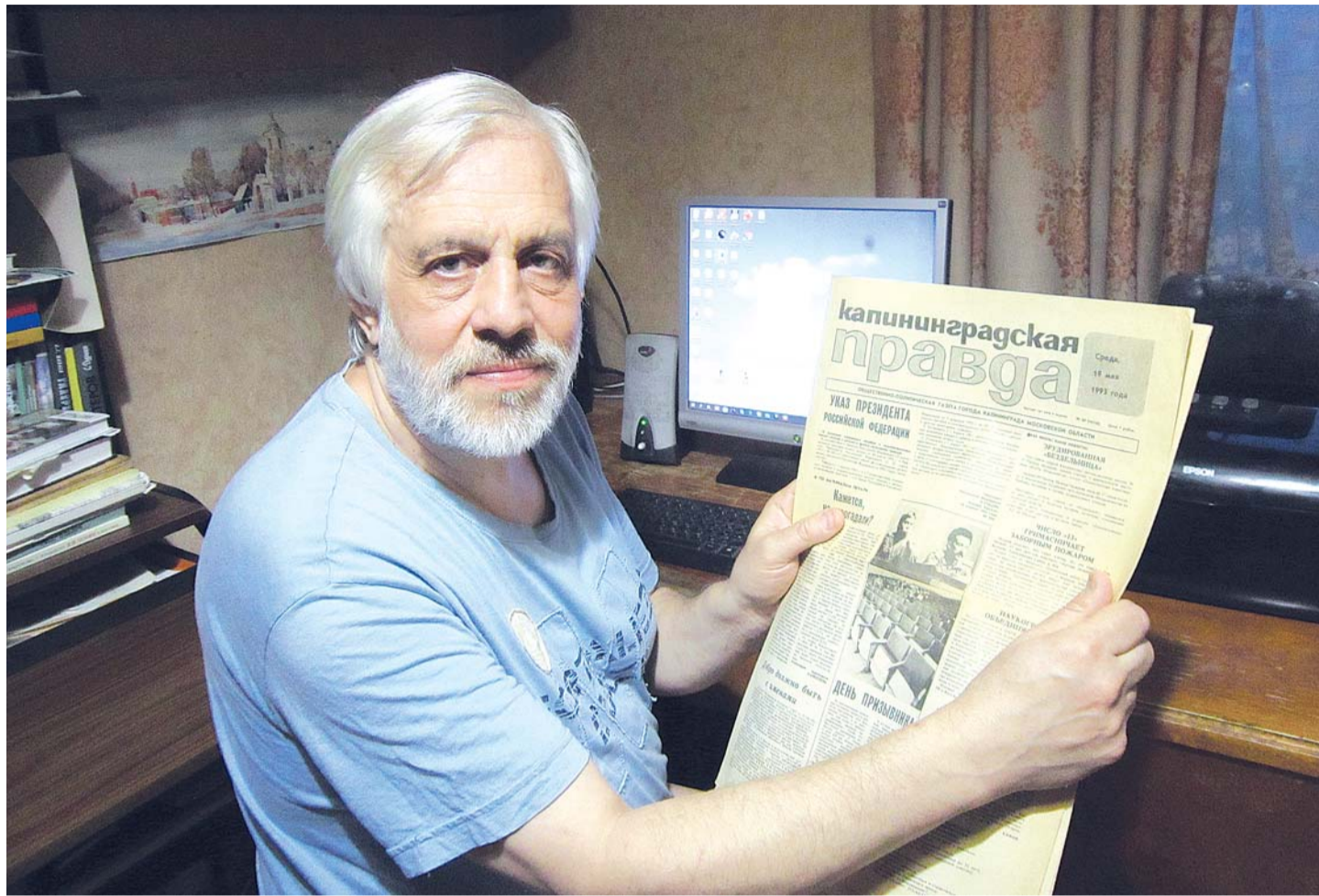
Сергей Борисович запнулся, я подсказала:  
*...Чтобы в Суздальских землях  
И в землях Рязанских  
И прочих...*

Закончили мы вместе:

*— Не поставили лучшего храма,  
Чем храм Покрова!*

Этот случай открыл мне Сергея Борисовича как человека высокой эрудиции, который никакие знания не считал для себя избыточными. При более близком знаком-

# О СЕРГЕЕ МЕРЖАНОВЕ



стве широта его кругозора уже не поражала, но делала все разговоры с ним исключительно приятными и всегда полезными. А разговоры эти со временем стали очень долгими. Свои многочасовые беседы по телефону мы могли прекратить, только сделав некоторое усилие.

Говорили обо всём, о краеведении — в первую очередь. Ему первому я рассказывала о своих открытиях, с ним проговаривала всю цепь рассуждений по проблемным вопросам, прежде чем облечь её в форму статьи. Так было по теме переименования улицы Сталина в Циолковского, точного наименования площади у станции Подлипки (Вокзальной площади), определения официального названия площади у администрации (площади Дзержинского), ошибок, якобы допущенных краеведом Чуйко, и по многим, многим другим темам. Он редактировал каждый (в прямом смысле слова) мой материал.

Сергей Борисович несколько раз предлагал нам перейти на «ты», но оставил попытки, когда я сказала ему, что не в силах преодолеть своё стремление обращаться к нему по имени-отчеству из-за авторитета, который он мне внушает. В остальном мы общались на равных, и я храню в памяти и в сердце всё, что он когда-либо дал мне. А дал он очень много. Оглядываясь назад, я вижу, что его влияние на меня и как на краеведа, и как на личность оказалось наиболее сильным и даже, скорее всего, решающим.

Он был (как непривычно говорить «был») необычайно пронзительным. Его неизменная вежливость и доброжелательность не мешали ему видеть суть каждого человека и давать точные оценки этой сути. За много лет в этих оценках мы с ним не разошлись ни разу, а по рабочим вопросам поспорили раза три от силы, оставшись в этих исключительных случаях каждый при своём мнении. В целом же взгляды наши совпадали, и, наверное, именно это и называется единомыслием.

Из краеведов он питал особенное уважение к Людмиле Китаевой и Юрию Мар-

цевичу, всегда высоко о них отзывался. О Китаевой говорил чаще, ставя в пример её умение организовать общественную редакционную работу и обосновать не только принятие краеведческого материала в печать, но и, при необходимости, отказ в публикации. В Марцевиче видел человека, который являл собой пример научного подхода в краеведении. Категорически отказался упоминать С.И. Мельникова в обзорной справочной статье о краеведении, которую мы готовили с ним вместе, мотивируя это тем, что находки Мельникова не нашли должного выхода в публикациях, и тем, что эти находки (не исключая и архивные) тот был не в состоянии проанализировать и верно оценить. Очень уважал Любовь Константиновну Арсенину и её труд по систематизации краеведческой информации. К моей радости, быстро понял способности Светланы Бельской и потом неизменно интересовался её исследованиями.

Обладая отменным чувством юмора, Сергей Борисович любил шутить сам и никогда не препятствовал в этом другим. Как-то раз он рассказывал мне о дошедших до него слухах, будто одна наша общая знакомая хвастает парой добрых слов, сказанных ей Мержановым из вежливости. Иронизируя над ситуацией, я торжественно произнесла:

— Старик Мержанов нас заметил...

— ... и в гроб сходя благословил! — со смехом закончил Сергей Борисович.

Мы долго дружно хохотали, не подозревая, как пугающе близок этот гроб...

Ещё одной отличительной чертой Сергея Борисовича была несгибаемая, непреклонная порядочность. Ему можно было без боязни доверить любую тайну, и были времена, когда его поддержка оказывалась для меня спасением от печалей и страхов.

Всегда он был внимателен к людям, в том числе и к памяти о них. Ларису Захарову хоронила семья, мы присутствовали только на прощании и на кремации. По этой причине мы долго не представляли, где конкретно на Невзоровском кладби-

ще искать захоронение, причём объяснения родственников мало нам помогали. Однажды мне позвонил взволнованный Сергей Борисович и сообщил, что нашёл могилу. Связались с коллегой по радио Ариной Тёшкиной. Она вызвалась отвезти нас и фактически устроила поездку в Невзорово. В храме у кладбища она заказала панихиду на могиле, за что я ей до сих пор сердечно благодарна. Пока священник ехал к нам из Ивантеевки, Сергей Борисович искал конкретное место. Мы помогли ему, но найти не могли. Мержанов нервничал всё больше, он очень переживал, и я впервые, наверное, наблюдала его в таком явном стрессе. Наконец, он нашёл приметку, сразу успокоился, и по приметке мы вышли к могиле. Молодой священник добросовестно отслужил панихиду и поинтересовался, кем мы доводимся Ларисе. Узнав, что сослуживцами, он безмерно удивился тому, что мы спустя 10 лет приехали сюда. И его удивление я разделила бы и сама, если бы не знала Сергея Борисовича. И если бы не знала, что он все эти годы, бывая в Невзорове, искал место, где похоронена Лариса Николаевна. И вот я уже второй раз вспоминаю их обоих, вместе...

Сергея Борисовича не хватает. С ним хочется поделиться новыми сведениями, новыми мыслями. Краеведение очень изменилось, и об этом тоже хотелось бы поговорить.

В последний год его жизни мы назначали встречи и созванивались реже, чем обычно. Но то и дело по промыслу Божьему случайно встречались на улице. И последняя встреча тоже была случайной. Я сошла с автобуса и у остановки увидела Сергея Борисовича. Постояли, поговорили. Потом он позвонил на Новый год, поздравил. Условились, что встретимся и посидим в кафе, как только пройдут новогодние праздники. Новогодние праздники прошли, но дальше состоялась не встреча, а прощание на оставшийся мне земной срок.

...Дружба с таким человеком — это великий подарок от Бога. Сколько ни говори, всего не расскажешь: слов меньше, чем чувств.